

Слово, в путь!

Но только прежде
обозначу адрес –
Белогорье – Порубежьем
раньше называлось.
Если же ещё точнее –
Прохоровка. Рядом
с нею поле зеленеет –
не окинуть взглядом.
Но зато душой и сердцем
можно прикоснуться
к памяти и, как обжечься,
в грозный год вернуться.

1.

*Ценность и неповторимость жизни
особенно остро ощущается весной,
когда природа пробуждается, цветёт, ликует,
когда понимаешь, что ты – малая,
но полноценная толика земного мира,
такая же, как трава, деревья, птицы,
и что ты в полной мере
за этот мир в ответе.*

...А вот и поле.

На пригорке дуб,
Как пригоршни, листья подставляет
Под светлый дождик, что по-майски скуп –
Не столько льётся, сколько громыкает.

Дуб повидал такое – рассказать
Об этом могут корни вековые.
И молния, как времени печать,
Бугристый ствол у комля раздвоила.

И спрятавшись от холодящих струй
Под кроною, шумящей над поляной,
Я слышу посвист половецких стрел
И лязг железных орд Гудериана.

2.

*Я родился на Дальнем Востоке,
где завершилась, но пощадила тот край,
Великая Отечественная.
Приехав на Белгородчину,
я был удивлён:
Вечный огонь
пылает чуть ли не в каждом селе.
И тогда я понял:
память о погибших – не слово, а чувство,
которое, вольно или невольно,
живёт в нас.
Должно жить,
если ты действительно –
Человек.*

Камни заговорили...

Вот голоса слышны:

– Что не бессмертными были
Нету нашей вины!
Каждый хотел, хотел
Лучшей судьбы и доли.
Даже металл горел
Здесь, на Танковом поле.
Жёны, дочери, сыны,
Мы честны перед вами!
В страшном горниле войны
Мы переплавлены в камни.

3.

*В чём истоки мужества нашего народа?
Чтобы ответить на этот вопрос,
надо прожить жизнь,
помудреть, поседеть.
В юности
я написал стихотворение «Перед
атакой»,
попытался понять,
какие душевные силы
поднимали русских солдат
навстречу врагу.
И, удивительно,
через много лет
именно на Танковом поле
я понял,
что был прав,
поэтически определив
эти истоки.*

От земли оторваться — она
Жарко дышит весенним теплом.
Вспомнить добрый родительский дом
И любимую у окна;
Видеть яркие вспышки рассвета,
Слышать зов опьяняющих кашек...
Из окопа подняться — страшно,
Но страшней — потерять всё это.

4.

*Деятнадцатилетний боец
Виктор Кочетков
в 42-м тяжелораненым попал в плен.
Чуть окрепнув, он бежал
из харьковской тюрьмы
и через несколько дней вышел к своим.
В 90-х русский поэт
Виктор Иванович Кочетков
вновь побывал на Белгородчине,
в тех местах,
где прошла его боевая юность.*

*Он рассказывал:
когда шёл, в основном по ночам,
на север, на гром канонады,
вдруг увидел —
впереди во тьме блеснула
серебристая полоска реки.
— Донец! — понял он.
И вспомнились строчки*

*любимого с детства «Слова о полку Игореве»:
«О, Донец, немало тебе величия...».*

*О, Донец, укрой солдата
под высоким берегом —
так, как Игоря когда-то.
Сохрани!
И бережно
передай Руси Великой
сына измождённого
битвою с ордою дикой,
но непобеждённого.*

*Он тебя, Донец, восславит
честными словами,
мирный день когда настанет.
А пока руками
воду черпает живую,
раны оmyвает.
Путь его — где, с тьмой воюя,
зори полыхают.*

5.

*Старожители прохоровского села
с милым названием Прелестное
поведали мне, что во время боя
небо над местечком было багрово-чёрным,
из колодцев ушла вода,
не мычали коровы,
не кудахтали куры,
не пели птицы —
природа онемела от ужаса.
И только люди, пересилив страх,
говорили громко,
чтоб подбодрить друг друга.
Они выбирались из укрытий
и приносили солдатам попить,
А ещё смотрели с надеждой на небо,
веря:
наша — возьмёт!*

*Лебедю, кашкой, повиликой
Заросли следы войны великой.
Только седобровый ветеран
По ему лишь ведомым приметам:
«Здесь в атаку шёл перед рассветом,
Здесь упал в беспамятстве от ран,
Здесь вот санитары подобрали...» —
Точно скажет — крепко где стояли,*

Умирали — и не на словах.
Зубы стиснет от внезапной боли
В сердце, и засветятся невольно
Слёзы на невидящих глазах.

б.

Ещё в начале 80-х
ложбинки вокруг Танкового поля
не пахались:
трактористы опасались
подорваться на mine или снаряде.
Матери не пускали туда ребяташек
по той же причине.
Сколько бы страшных «подарков» войны
ни обезвредили сапёры,
земля ещё и ещё, натужась,
выталкивает из своего тела
смертоносный металл,
ибо он инороден её предназначению —
плодоносить на радость жизни.

Думали, земля не уродит:
Столько смертоносного металла
За войну в себя она впитала!
Лемех в борозде гремит, звенит.

Думали, но делали своё:
На себе родимую вспахали,
Зёрна, помолвившись, закопали,
Песней разогнали вороньё.

Бабы, старики и ребятня —
Мужики на фронте воевали —
На поле порою ночевали, —
Не хватало для работы дня.

Политое потом и дождём,
Кровью окропленное в сраженьи,
Поле ожило — на удивленье! —
Добрые хлеба взошли на нём.

И когда с Победою пришли
По домам солдаты, подавали
На столы большие караваи —
Дар спасённой матушки-земли.

7.

Однажды
я оказался в небольшой роще

и на поляне
среди печальных ив
и белопенных ромашек
увидел груды покорёженного железа,
сплетённого в ржавый комок.
Никакой другой памятник
не производил на меня
такого сильного впечатления.

Если бы на месте
Прохоровского сражения
оставили хотя бы один разбитый танк,
всё равно — советский или немецкий —
это было бы
самым страшным свидетельством того,
что произошло здесь в июле 43-го.

Небо нынче ясное такое,
Нестерпимо сине-голубое.
Может быть, от васильков июльских,
Выросших на поле славы русской,
Словно очи тех, кто отстояли
Родину
и сами полем стали.

Проросли они сквозь землю эту
Посмотреть на мирные рассветы,
На детей, высоких и красивых,
И на звёзды на своих могилах.
И шумит под ясным чистым небом
Танковое поле
спелым хлебом.

8.

В городе Балтийске,
в бывшей немецкой крепости,
мне показали подземный форт —
последнее укрытие фашистов
на полуострове.

Враги, схоронившись
за железобетонными стенами,
не сдавались, и тогда наши
пустили в ход огнемёты.
Стены форта до сих пор покрыты гарью,
а внутри сладковато пахнет.
Такой запах смерти
я почувствовал и на Танковом поле.
Запах войны
не выветривается с годами.

О, как звонки колокола
Святохрама Петра и Павла!
Здесь солдат на колени падал,
Когда бойня вокруг была.
О спасении святых просил —
За себя, за детей, за Россию.
И земля богатырскую силу
Придавала, чтоб ворога бил.

Крестик медный — теперь он лежит
Вместе с воином в холмике братском —
Символ веры нетленной солдатской...
Звон печальный восходит в зенит.

9.

*Заслуженный художник России
Станислав Степанович Косенков,
чьё детство было опалено
огнём Курской дуги,
на своих полотнах
запечатлел детей и войну,
хотя нет ничего противоположной,
страшней и трагичней этого сочетания.
И всё-таки
его картины жизнеутверждающи:
художник верил в торжество разума,
в то, что минувшая война
была последней на родной земле.*

Пройду до светлой Звонницы.
Тугие травы клонятся
И золотом пшеница
Богато налита.
И легче нет дороженьки!
С благословенья Боженьки
Со всей России люди
Идут, идут сюда.

Так на Руси завещано:
Героям — слава вечная
В металле, в камне — в памяти
Народной.
И всегда
По этой вот дороженьке
С благословенья Боженьки
Потомки благодарные
Придут сюда.
Сюда,
Где Звонница — святая.

10.

*Первый раз
я привёз сына на священное поле
в мае 1995-го.
Он бежал по шелковистой траве,
рвал желтоголовые,
как и он сам, одуванчики,
а потом положил солнечный букетик
к подножью Звонницы.
Тогда я подумал:
пройдёт какое-то время,
и мой уже взрослый сын
приедет сюда со своим сыном,
моим внуком,
а тот в свою очередь —
с моим правнуком.
Так будет продолжаться всегда,
пока жив род людской,
пока стоит и будет стоять Русь Великая.*

Сколько пуль порассеяно
По родимой земле,
По любимой России!
Эти пули во мне
Отзываются болью,
Ранят через года...
Словно капелька крови,
На граните — звезда.

11.

*Мне посчастливилось побывать
на трёх ратных полях России —
Куликовом, Бородинском и Прохоровском.
И скажу: они очень похожи —
так же буйствуют благодатные травы,
зеленеют тенистые рощи,
стоят скорбные памятники
и возносятся к небу строгие обелиски,
так же спокойно дышит земля,
политая кровью героических предков.
На всех трёх — живёт Великая Память.
Каждое мирное поле России
может стать ратным полем,
если это
потребуется Родине.*

Ярко горят поминальные свечи
На заалевшей рябине...
Здесь проходила жестокая сеча —

На белгородской равнине –
Нашей, родной, опалённой бедой
Давней, но не позабытой.
Может, под этой былинной травой
Воин схоронен, убитый
В лютом сраженьи с монгольской ордой
Или немецкой армадой?..
Небо безоблачно над головой,
Воздух слегка горьковатый,
Ярко горят поминальные свечи
На заалевшей рябине...
Здесь проходила великая сеча –
На белгородской равнине.

12.

*Памятников Великой Отечественной
с годами становится всё больше, а тех,
кто перенёс её, пережил, пересилил –
всё меньше.*

*Но сама наша земля
постепенно становится памятником.
Земля – память на самом деле – вечная.*

О крапиву руки обдирая,
Проберусь к оврагу.
Пополам
Страшная Вторая мировая
Землю расколола.
По холмам
Травами позаросли окопы.
Лишь овраг,
где глина так красна, –

след авиационной бомбы –
с каждым годом глубже,
как война.

13

*Каждый раз,
бывая на Прохоровском поле,
я чувствую прилив жизненных сил,
словно мне передают их
наши героические предки.*

В краю, где мы живём,
неистовствует гром
и молнии сшибаются, как шпаги,
как острые клинки,
былинные мечи
на поле брани, славы и отваги.

Внезапно разразясь,
гроза пересеклась
с крестом на храме, устремлённом в небо,
смирилась, дождь затих,
и солнце через миг
взблеснуло, и ненастья словно не было.

Пролился дивный свет
на землю, – так рассвет
приходит, пробуждая всё живое.
И поле расцвело,
наполнилось оно
всесильной человеческой любовью.

Р.С. Редакция литературного журнала «Аргамак. Татарстан» поздравляет своего постоянного автора и друга Валерия Николаевича Черкесова с 75-летием и желает ему здоровья и творческого долголетия.